

В работе областного семинара молодых писателей «Томский класс-2023» поучаствовало не так много авторов. Возрастной разброс участников – от 15 до 47 лет. Были дебютанты, завсегдатаи и даже победители разнообразных поэтических конкурсов. Среди представленных произведений наблюдалось разнообразие жанровых предпочтений и стиливых особенностей изложения. Своеобразием нынешнего семинара можно назвать тот факт, что несколько авторов одновременно выступили в качестве поэтов и прозаиков. Практически все начинающие поэты представили стихи на патриотическую тему. Наиболее удачно, на наш взгляд, она осуществилась у Андрея Ледащева и Сергея Романчукова, давно и глубоко размышляющих об этом, опирающихся на фактаж. В целом все работы талантливых авторов послужили предметом для серьёзного разговора о современной литературе.

Ангелина БАН

Я В ДЕТСТВЕ

С горячей буханкой хлеба
И с розовой шишкой на лбу
Смотрю на закатное небо.
Я своё детство люблю.
Я в детстве, а это значит –
Мне всё интересно вокруг.
Я в детстве. Хочу и дурачусь,
Солнце мне светит – мой друг.
«Пора становиться взрослой», –
Меня убеждает родня.
«А шишка откуда?» – вопросом
Так и пытаются меня.
Я радуюсь с солнцем вместе,
Иду я и счастлива тем,
Что вкус уходящего детства
В булке, которую ем.
Не важно, что скажут люди,
Пусть солнце осветит мой путь.
А завтра... а завтра что будет?
Я повзрослею... чуть-чуть.

ПРИВЫКЛА

Карандашом, через мечты
Веду я линию косую,
По памяти тебя рисую,
Не думая, что это ты,
Как кадры творческого цикла.
Зачем? Наверное, привыкла.

Мне трудно ссоры принимать.
Писать не буду, как ни туго,
Не смейся! Оставайся другом!
Не надо ничего ломать.
Молчишь, а я уже поникла.
Зачем? Выходит, я привыкла,

А время отдаляет нас.
Я снова твой портрет рисую,
Дня через три я адресую:
«Привет! Что делаешь сейчас?».
«Привет!» И на лице улыбка...
Ага! Я всё-таки привыкла.

МЯЧ

Однажды как-то поутру
Катился мячик по двору
И думал: «Ах, как это круто!
Сейчас немножко поскочу,
В окно открытое влечу,
Вот будет весело кому-то!».

ПЛЕНЭР

Я – на пленэр. Скорей рюкзак на плечи,
Бегу по улице: «Эй, Солнышко, привет!
На клумбе у меня с цветами встреча».
А солнце лучиком помашет мне в ответ.
На клумбу глядя, я услышу шёпот,
Совсем простые откровения цветов –
Они мне тайны доверяют робко,
Сплетая их в свои венки из нежных слов.

Фиалки зарисую да петунью
И лебеду – врага изысканных манер.
И маргаритки – те ещё шептуньи.
А васильками я закончу свой пленэр.

Андрей ЛЕДАЩЕВ

ЖИЖА

Холодом веет ноябрь.
Техника встала в степи.
Ветер с дождём, а начштаба
Должен нас всех довести
До ППД, где буржуйка
И разогретый обед,
Где моя сумка и койка,
Сон и плохой интернет.
Жижа и грязь – по колено.
«ЗИЛ» уже лёг на мосты.
Гусеницами из плена
Рвут от усилий тросы.
Степь. Чернозём. Непогода.
Холод. Туманы. Дожди.
Мы здесь воюем полгода.
Господи, нам помоги
Вырваться с этой ловушки,
Целью не стать для врага.
Эх, не хватает «вертушек»...
Лужи покрыла шуга.
Вот бы морозец сибирский
Слякоть сковал – и вперёд!
Хоть БТР командирский,
Хоть «жигули» – довезёт.
Нет же, я чавкаю жижей,
Под каблуком – чернозём.
Хруст под ногами ледышек...
И по степи мы ползём.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ МАССЕТОЧКА

На фронте то война, то тренировки,
Нет времени черкнуть письмо домой.

А мамки вяжут сети маскировки,
Чтоб чей-то сын остался здесь живой...
Беседуя о жизни и о ценах,
О детях, о заботах бытовых,
О бабушкиных кухонных рецептах,
Они плетут нам сеть для боевых.

Вручную, раскроив обрезки ткани
На «галстучки» и нацепив очки,
По сетке наплетает баба Таня
Умелыми руками «паучки».
В Отечественной потеряла брата,
Его у Тани отняла война.
И детство под плакатом: «Всё для фронта,
Всё для победы!» – помнила она.
Массеть сняла, беззвучно окрестила.
А завтра снова подвиг трудовой.
Мы повоюем, были б только силы.
У нас да у ребят с передовой.

Я аккуратно отодвинул сетку.
Дрон улетел – сегодня без огня.
Ведь от коварной аэроразведки,
Спасибо, защитила ты меня!
От снайперской меня укрыла пули
Массеть, согрета теплотой рук.
С поклоном до земли тебе, бабуля.
Твой не родной,
твой незнакомый
внук.

СПИЧКИ

Город детства, я сегодня здесь проездом.
Помню улицы все вдоль и поперёк.
У прохожего, спешащего к подъезду,
Извинившись, попрошу я огонёк.

Прикурив от сигареты по привычке,
– Благодарствую, – кивну ему в ответ.
Я в окопах вечно экономил спички,
Растянув на день полпачки сигарет.

Замерзал до дрожи под сырым бушлатом,
Под дождём лежал «на фишке» весь в грязи,
Засыпал и просыпался с автоматом,
По утрам молился: «Господи, спаси!».

Землю рыл лопатой, раздирал мозоли,
Снаряжал бэ-ка, таскал мешки с песком,
Отмывал запёкшиеся пятна крови,
Заедал тоску обрыдлым сухпайком.

Видел боль, страдания, бинты на ранах,
Видел, как сознание идёт на дно.
Смерть красива только на больших экранах
Голливудских фантастических кино.

Две недели пролетели незаметно –
Сытый быт, сухая обувь, тишина.
Уезжаю, до свиданья, город детства –
Возвращаюсь в город, где идёт война.

Полина БРОННИКОВА

* * *

Видишь, ручная ведьма пляшет перед толпой.
Рвёт побелевшую кожу,
Так, чтобы искрами вновь
Кровь разлеталась в рожи.
Жуткой ей быть не сложно.
Сложно расправиться с дрожью
Этих проклятых слов.
Видишь, как глупая ведьма плачет в нетрезвые лица.
Слышишь, как сыпется смехом
Бисер стеклянных слёз.
Знаешь, а с тем же успехом
Можно беседовать с эхом.
Можно другим на потеху
Боль обличать в курьёз.
Честно, ручная ведьма знает, что в этом нет смысла
И что нетрезвым лицам
Незачем знать, как пришлось
Спрятать свой крик в небылицах,
Пересобрать на спицы

Душу свою и не спиться,
Даже когда не спалось.
Видишь, ручная ведьма только смеётся и пляшет,
Словно огонь трепещет
На фитиле свечи.
Воск слов стекает из трещин,
Делая облик зловещим
И обнажая те вещи,
Голос которых молчит.
Видишь, ручная ведьма пляшет перед толпой,
Рвёт побелевшую кожу
Так, чтобы искрами боль
Не возвращалась позже.
Шуткой ей быть не сложно.
Сложно расправиться с дрожью
Этих проклятых слов.

Сергей РОМАНЧУКОВ

* * *

Без руля и ветрил нашу лодку несёт,
Новостями растоптан привычный уют,
Нам на днях объявили: дозволено всё –
Дальше фронта уже не пошлют.

В подворотнях по-волчьи завывли ветра,
Ночь черна, а зима не прощает обид,
И плевать абсолютно, кто «против», кто «за»,
Тем, кто в двери твои стучит.

Тех, кто в страхе бежал, не виню ни на миг,
И не смею судить тех, кто всё же в строю,
Как нам жить на краю, не написано книг...
Я не знаю – и просто стою на краю.

Не могу предсказать ни исход, ни итог,
Ни совета, ни проповедь дать не могу,
Буйный ветер Истории валит всех с ног,
Тех, кто вышел, и тех, кто остался в кругу.

Без руля и ветрил нашу лодку несёт,
Новостями растоптан привычный уют,

В сердце горькая правда: дозволено всё,
Дальше фронта уже не пошлют.

* * *

Что нового под небом? Ничего.
Лежу, как двойка в покерной колоде,
Способный повлиять на что-то. Вроде.
При правильном стечении... Всего.

И времени, и мест, и прочих карт,
И игрока, способного на блеф,
И если рядом туз и тройка трэф,
Четвёрка и пятёрка в аккурат.
И вдруг тебя на стол кладёт рука,
А из колоды выброшенный джокер
Твердит с обидой, что давно не в покер
Играют наверху, а в дурака.

При правильном стечении всего
Способный повлиять на что-то вроде,
Лежу, как двойка в покерной колоде,
А нового под небом ничего.

* * *

Кружится снег. Лицедей, лиходей...
Люди запутались в стены и двери,
Видишь ты реку и берег за ней,
Или в неё не веришь?

Каждый порой нелюдим, нелюбим,
В сердце любого хоть что-то от зверя.
Видишь ты небо и звёзды над ним,
Или в него не веришь?

Сколько всего впереди, позади,
Сколько осталось? Года? Недели?
Слышишь ты сердце в своей груди,
Или в него не веришь?

Но берег за снежной завесой есть,
Над смогом и тучами в небе – звёзды,
И пока ты дышишь и мыслишь, здесь
Почти ничего не поздно.

КАРУСЕЛЬ

Я один на коне оказался,
Не на том, что ведёт к высоте.
Билетёр незаметно подкрался
В этой тихой ночной красоте.

В этот день мы гуляли с тобою,
Позвала ты: «Смотри, карусель!».
Вот я тут. Но до боли расстроен,
Веток листьев смотря акварель.

Ты ушла. Всю неделю ночами
Я сидел всё на том же коне.
И меня постоянно гоняли,
Предлагали и помощи мне.

Но чем в эти смутные сумерки
Вы хотели мне как-то помочь?
Как закончить душевные судороги
В эту длинную майскую ночь?

Если б я от всего отказался,
То давно бы предался воде.
Я один на коне оказался,
Не на том, что ведёт к высоте.

– Простите. Шрам на Вашей... эм...

– Грудь. Похож на сердце. Да. А ты наблюдателен и бесцеремонен, когда пьян. Будь осторожнее, такое не все прощают. Но ты прав. Этот шрам действительно имеет форму сердца.

– Это случайность или..?

– Мог бы просто спросить, откуда он. Вечно вы всё усложняете. Сначала смело и нагло ворваться в мою историю с неприличным вопросом, а потом постесняться его задавать – странное решение, молодой человек. Но ты юн, пьян и что-нибудь ещё, что оправдывает такое поведение. В любом случае ты лишь человек. А шрам этот – последний подарок моей первой любви. Первой и единственной. Звучит почти романтично, да? Только звучит.

Я была юна, глупа и по самое сердце влюблена. Он, наверное, тоже любил. Может, и нет. Рыться в его мыслях я не стала. Возможно, чувства ко мне были настолько сильны, что свели с ума. Возможно, я просто была слишком наивна. В любом случае, он хотел остаться моей единственной любовью и, чтобы не позволить влюбиться в кого-то другого, решил выжечь моё сердце.

В этом есть доля логики, ведь стать последним владельцем чего-то можно лишь это что-то уничтожив. Хм... Надо бы запомнить эту мысль, она мне явно когда-нибудь пригодится. Вот именно из таких мыслей и строится наша сила, разве нет?

– Шрам...

– Ну да, шрам... Ах да, шрам! Почти романтичная история. Когда-то человек, которого я искренне любила, решил выжечь мне сердце. Знаешь, я даже добровольно на это пошла. Ах, рассуждения о том, что это станет символом нерушимой вечной любви, что нет силы, способной обесмыслить такой знак, что так мы станем едиными, единственными и вечными. Докажи, что чувства сильнее любой боли. Сейчас думать об этом смешно, а тогда верилось.

Я до сих пор помню тот день. Солнечный и тёплый. Мы долго шли к месту, где всё должно было случиться. Много петляли и путали следы. В моей груди нарастало волнение, которое пытался успокоить голос затуманенного разума: «Мы уходим дальше, потому что это только наше. Свидетели не нужны. Свидетели будут лишними. Это то, через что мы должны пройти сами». Я придумывала оправдания, и сама в них верила. Он шёл впереди, воображение рисовало на его лице смесь счастья и волнения, но что действительно на нём отражалось, мне неизвестно.

Место, где всё случилось, было... милым. Венки, цветы, украшения. Всё слишком сильно походило на ритуал. Так сильно, что нельзя было не заметить. И голос разума, обманутого и обманываемого, старательно подтверждал: «Конечно, это ритуал. А как иначе? Вы хотите создать что-то, что невозможно разрушить извне, а такие вещи обычными силами не сотворить. Это как венчание, но важнее, сильнее, лучше. Конечно, это ритуал!» – и я верила сама себе. Даже в тот момент, когда уродливая ржавая цепь царапала и зажимала

кожу. «Это забота. Будет больно. Я, конечно, справлюсь, но цепь поможет не дёргаться. Это забота. Он помогает мне», – обмани себя, чтобы любимому не пришлось трудиться.

А потом... Белый металл. Белый-белый, белее самой чистоты. Затем боль. Нет, не так.

Затем Боль. Такая, что всё сжимается в один маленький пульсирующий комок и в ушах гудит от собственного крика. Такая, что сознание не выдерживает, проваливается в звенящую бездну пустоты и отвратительной вони.

Конечно, я потеряла сознание. Первым пришедшим ко мне чувством оказалось что-то холодное. Я помню, как, открыв глаза, испытала лишь одно.

Знаешь эту глупую сказку о том, что человек, которого всем сердцем полюбил ведьма, получит её силу?

А знаешь, хватит об этом. Дела давно минувших. Лучше выпьем!

* * *

Старик был смешным, простым и немного глуповатым, если верить тем, кто знал его как соседа. Улыбка да прищур – вот и вся его хитрость. Что с такого взять?

Старик был мудрым и правильным по мнению тех, кого он вырастил. Того, кого он вырастил. То есть меня. Мало кто знал его так. Даже старуха-жена считала то, что не понимала, оговорками, ошибками и глупостями и устала поправлять мужа. Он же простой – что с него взять? Да и сам старик не спешил переубеждать окружающих. «Знаешь, – устало улыбаясь одними губами, размышлял он, – иногда быть дурачком в чужих глазах куда полезнее, чем сверкать перед ними умом. Дурачки-то, что с них взять? Вот и нет с них спросу. А раз нет спросу, значит, и претензий к ним быть не может. Дурак на то и дурак».

Будучи ребёнком, я не понимал старика и, как все, пытался видеть в нём лишь до неприличия простого человека, но что-то мешало, заставляло задумываться над его словами и заселяло в детский ум мысли не по возрасту сложные.

Уже взрослым понял, что замечал за хитрым прищуром мудрый, внимательный к миру взгляд. Замечал, но не осознавал. От старика не осталось фотографий, потому подтвердить это умозаключение мне нечем, но я почему-то в него верю.

Глупо верить в такие вещи, но казаться глупым не страшно – страшно глупым быть. Это тоже его мысль, не моя, но мне очень хорошо запомнившаяся. Всё же старик был мастером говорить: простые слова, мысли и фразы переплетались по его желанию в удивительные в своей точности и звучности выражения, которые просто не могли не отложиться в цепком детском уме. Конечно, не везде и не всегда соблюдались даже самые элементарные интуитивно понятные правила языка, но и это было намеренной игрой с вниманием собеседника. Старик умел, словно сворачивая бумажный лист в трубочку, завернуть мысль так, что слушателю оставалось лишь взглянуть повнимательнее, чтобы увидеть суть. Чем старше становился я, тем больше смысла вплеталось в звучность слов. Старик умел, да. То, что окружающие считали оговорками, вовсе ими не было. Старик говорил так, как думал, а думал он

за рамками грамматических правил. Так умеют думать лишь дураки да дети. Тоже не моя мысль. Его.

Иногда странно осознавать, сколько мудрости, простой и приземлённой, было под носом у его жены, соседей и маленького меня. И мне понятно, почему я её разглядел лишь через многие годы. Непонятно, почему никто из тогда уже взрослых это увидеть не мог. Возможно, старик с его взглядами вписывался в их устоявшиеся картины мира лишь в роли недалёкого чудака. Может быть, они сами оказались глупее того, кого считали воплощением простоты. Я не знаю. Чего-то им не хватило. Чего-то такого, что появилось у меня. Возможно, это вложил сам старик. Жена его, наблюдая, как тот часами сидел с маленьким мной и выслушивал мои проблемы, переживания и самые несущественные детские глупости, вскоре пришла к выводу: «Его мозгами только с дитяами и возиться». А он и не спорил.

И я спорить не стану. Только старику хватало ума и терпения, чтобы понять всю глубину детской трагедии; сочувствия и простоты, чтобы принять все тонны детских чувств и эмоций; спокойствия и упрямства, чтобы разобрать и решить детскую проблему детским путём. Он не стремился показаться взрослым и меня не побуждал взрослеть быстрее. Возможно, благодаря ему я и не потерял что-то маленькое, неуловимое и хрупкое, чего не оставалось у мудрых и взрослых тогда людей.

Иногда кажется, что разговор со стариком ещё раз, уже таким взрослым, каким я являюсь сейчас, был бы невероятно увлекательным. Стал бы удивительным опытом, после которого мой разум сделался бы ещё более светлым и чистым. Но... Мало того, что это невозможно, ведь старика нет уже много лет. Даже десятилетий. И я уже не ребёнок. Взрослый во мне понимает, что в детстве деревья были выше, а старшие мудрее просто потому что такими их видели детские глаза. Да и память имеет привычку медленно и незаметно искажать прошлое, делая его карикатурно приятным. Велика вероятность, что сейчас старик оказался бы самым обычным стариком, а разговор – самым обычным разговором. Пусть всё остаётся так, как есть, и ребёнок во мне и дальше верит, что за вечной глуповатой улыбкой прятался хитрый и уставший прищур.

Старик был смешным, простым и немного глуповатым.

Старик был мудрым и правильным.

Старик был.

Екатерина МАЛАХОВСКАЯ

ПРИЮТ

отрывок из романа

Машина остановилась около белого здания с деревянным крыльцом. Надя увидела табличку над входной дверью с цветастой надписью «Берёзка» и заплакала в голос. Раньше мама часто пугала Надю тем, что сдаст её сюда.

На крыльце появилась невысокая женщина, улыбнулась и позвала Надю.

– Здравствуйте, – Надя вышла из машины. Лицо женщины нравилось Наде, казалось красивым.

– Меня зовут Елена Михайловна. Я воспитатель в группе девочек. У них сейчас тихий час, но когда они проснутся, я всех с тобой познакомлю.

Внутри оказалось уютнее, чем снаружи. Не было никакого белого холодно-го цвета. Вправо и влево уходил длинный коридор. С обеих сторон от входной двери стояли большие полки под обувь. Надя разулась и аккуратно поставила свои голубые резиновые сапожки рядом с другими детскими ботинками.

Невысокий потолок, лампочки спрятаны в плафоны молочного цвета, от чего свет мягкий и приятный, стены обиты охристыми лакированными рейками. Повсюду чувствуется сладковатый древесный запах. Линолеум исхоженный, отчего скользкий и блестящий.

Надя вслед за Еленой Михайловной повернула направо, и они оказались в просторной комнате с большим серым диваном и двумя креслами.

– Сейчас подожди, я пойду заполню бумаги, а к тебе пока придёт наш врач Ольга Владимировна и осмотрит тебя, – женщина говорила, и от неё шло такое тепло, которое может почувствовать только ребёнок. – Всё хорошо, договорились?

– Да, – Надя закивала.

– Ну хорошо, – Елена Михайловна подмигнула.

Надя села и провела рукой по бархатной поверхности обивки, осмотрелась. Было тихо. В аквариуме, который побольше, копошились в сене морские свинки с красными глазами. Стена за телевизором вся была увешана вышивками в рамках. Надя тут же вспомнила, как бабушка учила её вышивать крестиком. Она снова заплакала, но уже беззвучно.

Вдруг в проходе шевельнулась штора, и оттуда показалось лицо, а затем и вся голова.

– Привет! Тебя только что привезли? – зашептала голова.

– Привет. Да.

– Родители пили?

– Нет. Я с бабушкой живу.

– Бабушка сдала?

– Нет.

– А что тогда?

– Мама была, а я отказную написала.

– Ты сама от мамы отказалась? Ты хочешь в детский дом?

– Нет, я хочу с бабушкой жить.

– А, понятно. Как тебя зовут?

– Надя. А тебя?

– Вика! Я бы протянула тебе руку, но выходить нельзя из комнаты во время тихого часа. Нас скоро будить будут. Тебя оформят, и кушать вместе пойдём потом. Ладно, я лягу обратно, а то сейчас Елена Михайловна придёт уже. Пока! – голова скрылась. Надя даже не запомнила, как она выглядела.

Прошло несколько минут, и в комнату вошла высокая худощавая женщина с кудрявыми светлыми волосами, прихрамывающая на левую ногу. Она проверила, нет ли у Нади вшей и чесотки.

– Всё чисто. Я забираю её в душ. – Ольга Владимировна встала с дивана.

Они с Ольгой Владимировной пошли по уже знакомому коридору, но в

другой конец здания. В конце коридора справа была дверь, через неё врач с девочкой попали в другой коридор. Наде казалось, что она в лабиринте. Ольга Владимировна толкнула дверь. Белый свет резко ударил в лицо, отчего в глазах замелькало. Там было душно и пахло мылом. Душевая комната с кафельным полом была большой, как будто в ней должно было быть ещё что-то помимо серой батареи, тонких влажных труб и деревянной решётки.

Ольга Владимировна дала Наде кусок мыла, серое вафельное полотенце, на концах которого бахрама торчала так, будто её накрахмалили, и бязевый халат, свёрнутый с чистым бельём.

– Давай свою одежду.

Надя разделась и прикрылась руками.

– Всё, мойся, только сильно не плескайся. Потом вернёшься сама в группу к Елене Михайловне. И мыло ей отдашь. – Ольга Владимировна вышла, закрыв за собой деревянную крашеную дверь, и тонкий скрип лязгнул эхом под толчком.

Надя встала на холодную и скользкую от влаги решётку. Повернула краны, и на неё закапала вода. Сначала прохладная, потом горячее. Она смогла отрегулировать комфортную температуру воды и распечатала мыло. Резкий химический запах цветов ударил в нос. Девочка сначала намылила волосы, потом всё тело. Вода стекала, и кожа становилась скрипучей. Она быстро вытерлась жёстким полотенцем, от которого пахло белизной. Надела бельё и халат. Инородная ткань неприятно раздражала тело. Она завязала полотенце на голове по-турецки, как всегда делала мама, и толкнула дверь. Около порога стояли розовые резиновые сланцы.

* * *

Надя быстро привыкала к местному распорядку. Она подружилась с той девочкой Викой и всюду ходила с ней. Иногда привозили новых детей, кого-то забирали родители. Для всех детей всегда находились дела: кто-то ухаживал за рыбками и морскими свинками из живого уголка, кто-то был ответственным за полив цветов.

Надю впервые отправили в прачечную. Она знала, что девочки постарше ходили туда относить грязное бельё. Елена Михайловна разрешила сходить ей, но двумя заходами: в один Надя не утащила бы два мешка. Сам мешок был тканый и вмещал с десятков простыней и наволочек, второй такой же – пододеяльники.

Прачечная стояла во дворе рядом с баней. Это было одноэтажное здание с маленькими голубыми рамами окон и белыми стенами. У основания здания, прямо по побелке, напознал густой изумрудный мох, и казалось, будто прачка берёт своё начало глубоко под землёй.

Когда Надя подошла к двери, замешкала: постучать или просто открыть. Постучала – тишина. Постучала громче – опять ничего. Дёрнула за ручку. Тяжёлая деревянная дверь туго открылась, пружина нехотя растянулась и резко сжалась, когда Надя проскочила внутрь. Вперёд уходил коридор, пахло горячим влажным хозяйственным мылом и немного белизной. На щеках Нади появилась испарина. Она глубоко и часто вдыхала вкусный запах, пока в носу не защипало.

Медленно пройдя по коридору, Надя позаглядывала в комнаты слева и справа: где-то стояли широкие увесистые стеллажи прямо поперёк окон, из-за чего солнечный свет преломлялся сквозь банки с жидкостями и рассеивался на бетонном сером полу; кое-где на расстеленном картоне лежало постельное бельё.

Надя вошла в комнату в конце коридора, она была самая большая. Оттуда и доносился гул стирающих машинок. Она видела по телевизору машинки-автоматы, но эти были другими. Огромные серые махины, расставленные вдоль стены, с такими же огромными стеклянными окнами, за которыми вращалось бельё в белой пене.

– Привет. Сегодня один мешок, что ли? – громкий голос раздался справа и немного напугал Надю.

– Здравствуйте. Нет, там ещё один, я сейчас принесу. – Надя пыталась взяться за мешок поудобнее и не знала, можно ли его ставить на этот бетонный пол.

– Кидай туда, – женщина показала в левый угол за Надей, где уже были такие же мешки. – И спроси, сколько штук выдать чистого, может, у вас там прибавление.

– Хорошо, – наконец Надя освободила руки и ощутила новое чувство лёгкости, будто руки плавно парят в невесомости.

Когда она вернулась к Елене Михайловне, та сказала, что сегодня привезут новенького мальчика в детскую группу, поэтому можно сразу взять на него постельное, а в их группе всё без изменений – пятнадцать.

Во второй раз с мешком справиться оказалось легче, и Надя уже быстро вернулась из прачечной.

Наступил вечер, девочки готовились к ужину, мыли руки и собирали волосы в хвосты и косы. Надя нашла взглядом Вику, чтобы вместе пойти в столовую. Сегодня на ужин была перловка с мясом, винегрет и компот. Когда девочки проходили мимо кухни, увидели большие разносы с блестящими булочками и запечатанные в полиэтилен коробки с ряженкой – это на вечер.

Дети ели быстро, мальчики просили добавки, девочки тоже хотели, но стеснялись. Воспитатели следили за младшей группой: кто-то из малышей капризничал и не хотел есть. Самых маленьких сажали на колени и кормили с ложки.

После ужина по будням всегда был просмотр фильма, в этот раз Елена Михайловна принесла диск с Гарри Поттером, чему все были ужасно рады. В общей комнате все уже рассаживались и выбирали самые удобные места: с краю дивана, потому что там подлокотники, на кресле – потому что там можно сидеть одному, на полу перед телевизором, потому что так будто в кинотеатре.

– Кто сегодня хочет посидеть перед сном с малышами? – Елена Михайловна ещё не включила фильм.

Кто-то отвёл глаза, потому что сильно хотелось смотреть кино, некоторые стали переглядываться. Надя и Вика посмотрели друг на друга.

– Давайте резче выбирайте, а то не успеем посмотреть до отбоя! – Андрей, самый старший из группы мальчиков, уже расселся в кресле с пультом в руке.

– Так, пульт мне сюда давай, я не помню, чтобы разрешала брать его, – Елена Михайловна протянула руку.

Андрей покорно встал, но цокнул.

– И не цокай мне тут. Девчат? – Елена Михайловна ещё раз обратилась к группе девочек.

– Я.

– Я пойду.

Надя и Вика почти одновременно отозвались.

В младшей группе уже выключили свет. Маленькие кроватки стояли по периметру – всего двенадцать. Посередине комнаты – диван – для воспитателя. Сейчас на нём сидели напротив друг друга Вика и Надя и рассказывали друг другу страшные истории. Все дети спали, кроме новенького. Его привезли сегодня. Коле было три с половиной года: голубые глаза и белые волосы – маленький ангелочек. В эту ночь он не плакал, но ворочался. Вика прервала Надю и подошла к кровати Коли.

– Ты чего не спишь, – она села на край кровати и легонько положила ладонь на одеяло. Коля затих и сделал вид, будто спит. – Давай спи, уже поздно. Видишь, все уже спят.

Вика вернулась на диван.

– Первую ночь всегда страшно.

– Да. – Надя вспомнила свою первую ночь, когда плакала так, что тошнило, и зарывалась в подушку открытым ртом.

Коля вдруг сел на кровати.

– Мама, – он потёр пальцами глаза.

Надя подбежала к Коле.

– Коля, Коленька, всё хорошо, мама скоро придёт, – она села к нему на кровать, обернула мальчика в одеяло и взяла на руки. – Закрывай глазки, засыпай.

– Мама. – Слабый свет фонарей за окном падал на лицо ребёнка, в его ресницах что-то блеснуло. Надя легонько вытерла слёзы Коли и свои тоже.

Оксана ОСТАНИНА

СИНИЙ БЫК

Солнечный луч выхватил из сумрака комнаты осунувшегося мужчину и замер. Пантелеев опустил голову, прячась от назойливого света, и уставился в столешницу парты, на которой сам лет двадцать пять назад накарябал неприличные слова. Их замазали, но контуры «дурака» проступали через многолетний слой чужой учёбы. Напротив, на возвышении кафедры, за потёртым столом сидели коллеги.

– Я долго откладывал собрание комиссии по расследованию несчастных случаев. Надеюсь, ты сам осознаешь, сделаешь выводы, но нет. Туристы стоят на ушах. «Пантелеев опять набирает команду и в пятый раз идёт покорять Карагымский прорыв!». Я буду ходатайствовать о лишении тебя должности инструктора, – поднялся со своего места назначенный председателем Иволгин. Он давно уже не был в походах. Погряз в административной рутине, обрюзг и забыл о свежести майской холодной воды.

– Ты не можешь так поступить. Вы лишаете меня жизни, – жалостливо посмотрел на суровые лица членов комиссии Пантелеев.

– Жизни? Мне до сих пор непонятно, почему каждый раз выживаешь лишь ты, – скривился Иволгин. – Таких ребят угрохал.

Пантелеев закрыл лицо руками, чтобы скрыть усмешку, и подумал: «Завидуете, сволочи. Вчера восхищались, а сегодня отчитываете, как нашкодившего мальчишку».

Он собрался с мыслями и продолжил.

– Я уже объяснял. Да вы и так всё знаете. В протоколе есть, – поднял он с парты лист бумаги. – Река Аргут, пройдя через Карагым, делится на два притока. Один вольётся в Катунь, а другой упадёт в «котёл» под чёрным камнем. Там любому крышка. Сожрёт.

– Это мы и без тебя знаем, – бегло посмотрел Иволгин на часы, а затем на Пантелеева. – Все мы были на грани, но не все выжили, поэтому Карагым для нашего клуба закрыт. Вопрос не обсуждается. Мне пора.

Вслед за председателем встали и покинули кабинет члены комиссии. Только Марья Павловна, лет сорок проработавшая в клубе, неизменно суховатая, поджарая, с исчерченным мягкими морщинами лицом, всегда носила спортивный костюм и трекинговые ботинки, меняющиеся вместе с технологиями, подошла к Пантелееву и по-отечески погладила по голове.

– Не Аргут ломает людей, Костя, горе и недоверие. Не хотят с тобой больше сплавлиаться. Обожди сезон-другой и возвращайся. Детей на обучение возьми. Я ребят подберу. Готовь себе смену.

– Не могу я, – зыркнул Пантелеев и, вцепившись руку Марья Павловны, сполз со стула. Встал на колени и зашептал: – Мне надо к Карагымскому прорыву. Через десять дней я должен быть там, иначе конец.

– Даже не думай, – оттолкнула его Марья Павловна. – Никого из наших. Никого. Если не уймёшься, я распоряджусь, чтоб тебя на порог не пускали. Снаряжение не получишь. Без бубля в Аргут не сунешься.

– Да пошла ты, – встал Пантелеев с колен и навис над Марьей Павловной. – Я не хочу быть как ты. Наложил в штаны от страха и сидишь в кабинете. Когда ты последний раз была на реке? Не надо мне рассказывать про детские соревнования. Никто из вас не способен пройти Карагым. Только кичитесь моими, слышишь, моими наградами. Никто не может повторить мой успех.

– Я пойду, – услышали они голос и обернулись.

В дверях стоял Микитин Захар: крепкий, высокий парень двадцати лет.

– Даже не думай, я тебя не пущу, – строго посмотрела на него Марья Павловна. – Отец твой погиб, и ты за ним? Карагымский прорыв слишком сложный. Он вне категории.

– Я знаю, и разрешение мне ваше не надо. Всё снаряжение есть, машина – вездеход. Хоть утром в поход.

Пантелеев улыбнулся и двинулся к Микитину.

– Не ожидал. Весь в отца. Любишь адреналинчик.

– У Никиты даже могилы нет. Ты и сына угробить хочешь? – встала между ними Марья Павловна, но на неё никто не обратил внимания.

Микитин и Пантелеев пристально смотрели друг на друга, словно изучали

противника перед схваткой. На секунду Марье Павловне показалось, что драки не избежать.

– Я еду с вами, – выпалила она, и добавила: – Кто-то же должен фиксировать прохождение.

– Лады, – усмехнулся Пантелеев и расправил плечи. – Когда выдвигаемся?

– Мне надо три дня на сборы, – выдохнула Марья Павловна.

* * *

– Таня, я ничего не смогла сделать. Он сам предложил, – рыдала в трубку Марья Павловна.

– Знаю, Маша. Все глаза выплакала. Ничто Захара не остановит. Пять лет к походу готовился. Я и резала снаряжение, и жгла. В другой город его увезла. Он втихую от меня всё готовил.

– Ещё есть время. Я буду рядом. Попробую уговорить отказаться.

– Дай бог, буду молиться за тебя и за сына.

Мария Павловна положила трубку и посмотрела в окно. Грязный апрель прыгал по лужам и серым истлевшим сугробам. С последнего этажа высотного дома виднелась ещё скованная льдом река. Она дарила спокойствие, усмиряла гневливый характер и напоминала в минуты бессилия, что всё течёт, а значит, проходит: и детство, и молодость, и смелость.

С двенадцати лет Мария занималась водным туризмом. Пошла с подругою в клуб за компанию и прикипела. То ли Лилька, то ли Нинка, сейчас уже и не вспомнишь, бросила через месяц-другой, а Маша связала с туризмом всю свою жизнь. Своих детей Бог не дал, как и мужа. Не срослось. Зато скольких воспитала. Того же Пантелеева, которому уже сорок. Он из первого набора, самого памятного. Сама зелёная, восемнадцать годочков, и подростки десяти-двенадцати лет. Такие же, какой недавно была она. Много через неё детишек прошло, но первые врезались в сердце.

Пять лет уже Марья Павловна не водит в походы детей. Лишь смотрит на скованную льдинами реку. Ходит весной на речушку с «мальками», учит ходить на байдарках, но большая вода ей не по силам.

«Зачем же ты вызвалась? – корила она себя. – Все планы нарушишь. Соревнования на носу, ребята беспризорными останутся».

Сердце сжалось, забило испуганной птицей и вырвалось криком. Память вновь унесла её на Аргут. В тот злополучный день, когда Никита, Ник, Никитос... Его не нашли. Не смог справиться с белой водой. Пантелеева вместе с обломками бубля вынесло к плоскому камню. Никита навечно остался в водах Аргута.

После случившегося Марья Павловна не была на Алтае. Что-то сломалось в ней вместе с крепкою рамой подвижного бубля. Вина повисла на шее, сложила гордые плечи: не усмотрела, не научила, не помогла. И неважно, что Никите уже тридцать пять. Он так и остался учеником.

Вернувшись, она пряталась от Татьяны (жены Никиты) и колкого взгляда Захара, пришедшего в клуб вслед за отцом. Маша хотела уволиться. Не могла выносить запах сиротства. Слава богу, Татьяна вернулась с сыном в родной городишко.

«Мне дан второй шанс», – повторяла Марья Павловна, влезая по шаткой стремянке на антресоли. Она достала пыльный пакет, спрятанный за сломанной пластиковой ёлкой, и, спустившись, принялась проверять снаряжение.

* * *

Пантелеев спал плохо. Вздрагивал, крутился и шарил под кроватью в поисках полной бутылки перцовки. Пил из горла, крякал и снова крутился. Курил. Сон всё не шёл.

Стоило закрыть глаза, и Пантелеев чувствовал остриё большущего рога. Видел, как болтается то, что осталось от тела Никиты, Романа, Петрухи и Васьки, как стекают кровавые струи по шерсти быка. Капают в воду, расплываются кляксами. Слышал дыхание монстра. Синий бык звал его. Требовал новую жертву. Вспенивал добела реку.

С середины апреля Пантелеев боялся воды. Пил газировку и сок, но чаще брал пиво. Не мылся. Ходил по бордюрам, опасаясь холодной тёмной воды, бежавшей с сугробов. Видел противную морду быка даже в кружке с водой. Отказался от чая и врал, что боится сглазить поход.

Пятый год он боролся с собой и сдавался. Полз к Карагыму, тряся от страха и выходил сухим из воды. Год доживал и снова сжимался от дикого страха. Вода пахла зверем, манила к себе, звала погрузиться поглубже.

Жена отказалась терпеть.

– Что происходит? – спросила она в первый год.

– Я не сказал тебе сразу. Тогда на реке должен был выжить Никита. Меня затащило под камень. Я выменял его жизнь на свою, – сбросил с души груз Пантелеев и хлопнул стакан. Стало хуже.

– Ерунда, – отмахнулась жена. – Это не повод ходить с грязной шеей. Ты пахнешь.

– Не могу. Он заберёт меня, если не принесу ему жертву.

– Кому? – спросила она, оторвавшись от варки борща.

– Быку.

– Ты бредишь или опять перепил? – взорвалась жена.

Были анализы и даже уколы, отчего Пантелеев притих. Тайно набрал влажных салфеток и, спрятавшись в ванне от грозного взгляда, тёр своё тело под звуки открытой воды.

Потом был поход и новая жертва. Карагымский прорыв забрал себе Ромку.

Пантелеев давал интервью, став снова героем.

Он больше не спал. Видел, как тянется к свету из пены Роман, слышал капель в подземной реке.

Он мог бы стать храбрым. Набрать себе ванну и лечь, закрывши глаза. Всплыть в Тойбодыме. Вернуться к быку, выкупить сердце, но Пантелеев был трусом. И снова искал себе жертву, пятую жертву.

«Всё получилось. Никита встретится с сыном», – вздохнул Пантелеев и погрузился в пьяный угар.

* * *

Захар вновь просматривал записи прохождения Пантелеевым Карагым-

ского прорыва. Загружал в программу новые данные и с нетерпением ждал результата. Не зря он закончил физико-математический факультет. Сотни сценариев, тысячи вариантов, собранных за несколько лет. Захар знал, на что он идёт и как поведёт себя бубль. Вот только в реальности всё случится впервые. Один шанс, второго не будет. Пантелеев не даст. Один шанс – один победитель.

Захар посмотрел на фото отца, стоящее на столе, и подмигнул ему, словно ожидая ответ: «Всё будет хорошо, да? Да».

Сложенное в углу снаряжение с грохотом рассыпалось по ковру и закатилось под стол. Захар выругался и принялся складывать шаткую пирамиду. Он помнил дату покупки каждого карабина, каждой верёвки, особенно бубля, собственного бубля. Бесконечные подработки, бессонные ночи ради одного дня, одного часа, мгновения.

Захар брызнул под язык мелатонин, как уже делал не раз, и, покрутившись, уснул.

Вскочив раньше будильника, он принялся собираться, и уже в машине задумался, за кем ехать в первую очередь. Захар боялся остаться один на один с Пантелеевым. Мог не сдержаться, накинуться на него с кулаками.

Марья Павловна, маленькая, как девчонка, волокла огромный рюкзак с прыгающим на боку котелком.

– О нём-то я позабыл, – улыбнулся Захар, поздоровавшись.

– Опыт, – улыбнулась она и, сев на заднее сиденье, погладила Захара по спине.

Пантелеев, серый от бессонных ночей и вымотанный трусостью, выкатился налегке и, зыркнув на Захара, буркнул приветствие.

– Не передумала? – ухмыльнулся он, глядя на Марию Павловну.

– А что мне? Кашеварь да снимай.

Половину пути они ехали молча. Пантелеев разомлел от горячего воздуха, щедро выдуваемого из печки, и наконец-то расслабился. Всё получилось, а значит, следующий год – его.

Захар косился на счастливого Пантелеева и время от времени смотрел в зеркало заднего вида на Марию Павловну. Она застыла напряжённой пружиной.

«Они же не доверяют друг другу, – думала она, повиснув между сидений и глядя в лобовое стекло. – Так нельзя. Лишь команда поможет в опасности. Иначе выживет только один. Один!» От осознания будущего её передёрнуло. Стыд вспыхнул румянцем. Мария Павловна желала Пантелееву смерти. Она уже выбрала победителя и принялась хаотично строить стратегию. Захар должен выжить.

Двенадцать часов пути тянулись бессовестно долго. Серые пейзажи сменяли один за другим, встречая туристов голыми остовами дремавших деревьев. Одинокие камни складывались в холмы, переходящие в горы.

– Маральник! – воскликнула Мария Павловна, увидев фиолетовый пятилистник. – А там подснежники! Останови.

– Цветов этих, как грязи, – буркнул Пантелеев. – Доедем до стоянки, налюбуешься.

Захар погнал дальше. Он рад бы остановиться, но Пантелеев был прав. Разбить лагерь, дотянуть до утра. Сердце забилось быстрее. По рукам пошла дрожь.

– На стоянке, так на стоянке, – заметила Марья Павловна волнение Захара и погладила его по спине.

* * *

Пока установили палатки и организовали костёр, горная тьма упала на лагерь. Туристы расселись вокруг огня и молчали слушали, как бурлит в котелке консервированная каша с тушёнкой. Тишину разорвал стук копыт. Из темноты показалась лошадиная морда. Конь всхрапнул, заржал и целиком выкатился на свет. На взмокшей спине сидел сухонький старикан.

– Жакши! – поздоровался он и ловко спрыгнул на землю. – Отару я потерял. Не встречали?

– Нет, – развёл руками Захар. – Не видел.

– Ты мало что видишь, – погладил тонкую бороду старик. – Смотреть научился, а видеть нет. Черно всё вокруг.

– Черно, – качнул головой Пантелеев. – Ночь на дворе. Если бы мы отару нашли, давились бы кашей с тушёнкой?

– Чужое любишь? – засмеялся старик.

– Каши, чаю? – засуетилась Марья Павловна, приглашая к костру.

Дед неспешно привязал лошадь к ближайшему дереву и сел к костру, приняв у Марьи Павловны алюминиевую чашку и кружку. Он молча ел, поглядывая через нависшие веки на сидевших около костра и слушал. Пантелеев распределял обязанности на завтрашний день.

– Туристы, значит, – выскреб старик тарелку хлебом.

– Туристы, – ответил Захар.

Дедок ему не понравился. Появился из ниоткуда, овец якобы ищет, а сам не торопится: ест, уши развесил, трясёт бородой, словно козёл.

– Хороший чай, чёрный, – заулыбался старик и достал из куртки кожаный мешочек, извлёк из него кусок блестящего лаком дерева и поднёс ко рту.

Свет наполнился стоном.

– Что это? – не сдержал любопытства Захар.

Музыка проникала в самую душу, дёргала струны, сливалась из сердца слезами, взмывала над пламенем гордым орлом и вновь разбивалась о землю.

– Это комуз, – прекратил мучить душу старик. – Нравится?

– Нравится, – ответила за всех Марья Павловна. – А вы сказания местные знаете? Люблю деткам между делом рассказать.

– Знаю.

Старик убрал комуз и протяжно запел:

Журчаньем ручья скатилась с горы Весна.

Наполнила спящие реки.

Рябью покрыла поля.

Всё тлен.

Вырастут горы из праха и вновь возвращаются к нижнему царству.

Тянутся к матери жизни Умай.

Смотрит на белую воду Алтая турист, знает конечную точку маршрута.

Бурный Аргут разбивает себя о камень, падает в воды Катуня.

Или уносит под мёртвую глыбу тебя.

Синий бык ожидает у берега тихой реки Тойбодым.

Держит в губах твоё сердце.

Оступился, свернул – и прощай белый свет, синий сомкнул свои губы.

Пантелеев поёжился и махнул рукой, привлекая внимание:

– Кончай, старик, тоску наводить.

– Пускай поёт. Красиво, – одёрнула его Марья Павловна.

– Не хочешь песню. Сказом отблагодарю.

Три великие рыбы держат земную твердь. Поклонится средняя из великих.

Накроет землю потоп. Спасёт нерадивых мать жизни Умай. Если оступишься, скатишься в мглу, упадёшь на большие рога. Тёмные воды подземной реки держат быка. Страж он подземного мира, сборщиком скорбей пристроен. Сможешь ли ты его обмануть?

– Прекрати, – вскочил Пантелеев. – Голос у тебя противный. Ерунда какая-то: рыбы, потоп...

– Синий бык, – рассмеялся Захар.

– Встретишь быка, в белёсых глазах его страх. Выбор...

– Спать, – плеснул из котелка в костёр Пантелеев, оборвав старика. – Завтра тяжёлый день.

– И то верно, – ответил старик, поклонился, встал, отвязал лошадь, вскочил на неё и растворился за кругом костра.

– Зачем ты так? – недовольно посмотрела на Пантелеева Марья Павловна.

– Зачем, зачем? – передразнил её Пантелеев. – Сейчас поёт, а ночью бубль на лошадь – и домой. Ищи потом старика.

– Вполне, – согласился Захар. – Спать надо.

Они залезли в одну большую палатку, улеглись по спальникам и быстро уснули.

* * *

Захару всю ночь снилась морда быка. Он смотрел на Захара белёсыми глазами без зрачков и протяжно играл на комузе.

Марья Павловна вздрагивала во сне и что-то шептала. Она пыталась вопросами вчерашнего старика, спрашивала конечную точку маршрута. Старик, как болванчик, качал головой и тихо смеялся в длинную бороду.

Пантелеев спал крепко. Наслаждался покоем после долгих бессонных ночей. «Всё сложилось лучше некуда, – думал он засыпая. – Машка свидетелем будет. Ей точно поверят. Парнишка сам напросился. Бубль его, сама всё проверит. Завтра я стану свободным».

Утро не задалось. Вопреки прогнозу налетел сильный ветер. Солнце скрылось за тучей. Моросил мелкий холодный дождь.

Марья Павловна билась с костром. Дерево тлело, но не давало огня. Она

стояла над кострищем и приговаривала: «Давай, миленький, ну давай». Пыхнуло, затем ещё один раз, и затрещали мокрые угли.

– Может, вы не пойдёте? – разливала Марья Павловна чай. – Я подтвержу, что прошли Карагым. Все будут живы. От тебя, Костя, отстанут. Захару разряд повысим. Пройдём ниже в своё удовольствие.

– Нет! – в один голос закричали Пантелеев и Захар.

– Сегодня надо идти. Нельзя откладывать, – поменялся в лице Пантелеев. Прикрывая горячность, продолжил. – Работа у всех. Что там майских? Три дня. Возвращаться бы надо. У тебя дети. У Захара, небось, тоже дела.

– Есть такое, – подтвердил Захар. – Да и нечестно будет. Я сам должен пройти. Отец не смог, но я.

Захар уставился на Пантелеева и замолчал.

– Отец бы точно этого не хотел... и мать, – вклинилась Марья Павловна, перехватывая инициативу.

– Победы бы его отец не хотел? – прищурился Пантелеев и обнажил жёлтые от никотина зубы.

– Идём сегодня. Это не обсуждается, – поднялся со своего места Захар и принялся разворачивать бубль.

– К обеду погода наладится. Эрлик всегда меня дождиком встречает. Сначала хмурится, потом потирает сытое брюхо, – посмотрел на небо Пантелеев и принялся собирать алюминиевую раму бубля.

– Эрлик? – приподняла брови Мария Павловна.

– Местный божок, забей, – пренебрежительно махнул рукой Пантелеев. – Подольём ему водочки в водичку, и всё будет чики-пуки.

К обеду действительно распогодилось. Выглянуло солнце, осветило берег реки, заиграло на пенных барашках взбешённых волн и спряталось в кроне высоченной сосны. Каменистый берег принял приветливые очертания. Даже чёрные, вылизанные рекой камни казались наспех слеplенными из пластилина.

Захар залюбовался рекой, перевёл взгляд на бубль и вздохнул. Два огромных колеса-камеры и лёгкая рама. Марья Павловна проверяла крепления рамы и давление в огромных бубликах. Подёргала страховочные верёвки, крепость карабинов, тщательно осмотрела вёсла.

– Я сяду справа, – выпалил Захар, помнивший, что все погибшие сидели слева.

– Пожалуйста, – безразлично пожал плечами уверенный в себе Пантелеев.

Захар усомнился в собственных силах. Он верил, что место определяло победу. Сейчас же вдруг осознал: был ещё один фактор, давший Пантелееву силу.

– Откажись, – подошла к нему Марья Павловна.

– Нет, – твёрдо ответил Захар, застёгивая спасательный жилет и поправляя шлем.

– Тогда возьми запасное весло. Пригодится.

Захар кивнул и засунул его под жилет.

Сев на своё колесо, Захар кивнул Пантелееву и Марье Павловне. Оттолкнулся веслом и почувствовал, как воды Аргута понесли его в середину реки. Несколько минут решат исход нескольких лет.

Пантелеев бодро командовал. Впереди показался «котёл», деливший Аргут пополам. Опасный порог был в нескольких метрах. Берега сузились в каменное горло. Река взбесилась. Захар следил за движениями Пантелеева. Тот резко оттолкнулся от камня и развернул бубль, оказавшись справа.

Весло Захара ударилось о каменную стену, треснуло. Колесо потянуло под камень. Пантелеев смеялся так громко, что на секунду затмил грохот воды.

Захар достал второе весло и отточенным движением вернул бубль в исходное положение. Если бы Пантелеев не согласился поменяться местами, Захар провернул бы этот трюк перед самым порогом.

Через белую пену не разглядеть Пантелеева, но Захар чувствовал: тот растерялся.

Пантелеев зацепился за камень и стукнул по раме, надеясь оторваться, отправить Захара прямо в центр «котла».

Колесо Захара подпрыгнуло, надломленная рама сложилась пополам и с треском пошла назад.

«Не угадал!» – крикнул Захар и вцепился в стропы колеса Пантелеева, утягивая его за собой. Пенная вода накрыла обоих, закрутила в водовороте. Захар видел пузырьки воздуха, инстинктивно хватал их ртом и чувствовал тяжесть воды.

Река расступилась. Захар почувствовал твердь. Набрал полную грудь затхлого воздуха и поперхнулся. «Выжил, – крутилось у него в голове. – Вынесло. Не прошёл, но выжил». Тишину разорвал пронзительный крик. Захар вскочил.

Под ногами дрожала река. Она не текла, дребезжала. Посреди воды на скале сидел вчерашний дедок.

– Я привёл новую жертву, – услышал Захар Пантелеева.

– Ты не признал меня, – корил его старикан.

– Признал, признал, – целовал Пантелеев сапог. – Не хотел выдать тебя и себя, великий Эрлик. Боялся спугнуть твою жертву. Отец его верно служит тебе.

– Хочешь опять откупиться? – пнул его Эрлик и поднял правую руку вверх.

– Ты не должен был возвращаться. Синий бык держит в губах твоё сердце.

Синяя вода вздыбилась, и из неё показались рога. Захар собирался отпрянуть, но заворожённо застыл. Показалась голова быка, размером с колесо обозрения. Огромные белые глаза смотрели вверх. В толстых губах его билось посиневшее сердце.

– Я принёс жертву. У нас уговор, – скулил Пантелеев.

– Уговор, – согласился старик. – Ты кидаешь мне слабых, сам покоряешь Катунь. Ты не прошёл. Он сильный – воин.

Старик поднял руку и ткнул скрюченным пальцем в Захара.

– У воина есть выбор, – обратился к Захару старик. – Отдай убийцу отца Тойбодыму, и я подниму тебя в среднее царство. Будешь жить дальше. Один год – одна жертва. Хорошая плата за жизнь.

– Ты обменял их на жизнь? – сдвинул брови Захар, посмотрев в глаза Пантелееву.

– Я хотел жить, – скулил Пантелеев. – Ты тоже захочешь.

– Я хотел бы увидеть небо, – ответил Захар. – Но попрошу об одном: дай мне увидеть отца.

– Этого нет в договоре, – отмахнулся Эрлик.

– Этого нет в договоре убудка, – улыбнулся Захар.

– Согласен, – кивнул в ответ Эрлик. – Что же мне делать с этим? – пнул он сапогом Пантелеева.

– Это ваш договор, – поклонился Захар.

– Да будет так.

Синий бык замычал, сердце Пантелеева задрожало, и нижнее царство наполнили звуки комуза.

– Расступись, Тойбодым! – крикнул Эрлик. – Верни верхним мирам первую жертву.

Река задрожала и выкинула на камень отца.

– Спасибо, сынок, – прошептал тот.

Тело опало, эластичный костюм обтянул ставшие голыми кости.

– Сомкни свои губы, – повернулся Эрлик к быку.

Пантелеев взвыл, раздался хлопок. Захар закрыл от страха глаза и почувствовал ветер. Тёплое солнце настырно дёргало веки. Он приподнялся и осмотрелся. Вновь незнакомая местность, но река ожила. Руку дёрнуло, потом ещё раз. Захар посмотрел вниз и увидел в воде гидрокостюм. Потянул за верёвку. На камень плюхнулась ткань. Выплеснуло белые кости.

– Господи! – закричал Захар.

Эхо разнеслось над рекой и потонуло в бурлящей воде.

* * *

Мария Павловна видела, как закрутило бубль, как пронесло его под большой камень и, глядя через экран профессиональной камеры, принялась молиться. Колёса бубля кидало из стороны в сторону. Взлетел кусок рамы, одна камера прижалась к другой.

Резкая боль пронзила руку. Ладонь раскрылась, и фотоаппарат упал на каменистый берег. Красный муравей сантиметра три в длину нагло шевелил усиками, готовясь к новой атаке.

Мария Павловна смахнула обезумевшее насекомое и подняла камеру. Экран был разбит. Она перевела взгляд на реку. Бубль исчез, растаял в белой воде.

Марья Павловна побежала к центру Карагымского прорыва. На воде билась о камень пустая камера бубля: ни Пантелеева, ни Захара. Она замерла, всматриваясь в воду. Второй камеры не было видно. Мария Павловна побежала дальше, к тому месту, где всегда находили Пантелеева, но камень был пуст.

«Сон и точка маршрута. Конечная точка, – бормотала она, – Карта!» Прибежав в лагерь, Марья Павловна принялась искать карту, которая валялась рядом с котелком. Последний перевернуло ветром, и огромное пятно расплзлось по плотной бумаге.

«Надо вызвать помощь», – вслух произнесла Марья Павловна и потянулась к радиотелефону, но тот не подавал признаков жизни. Всё к одному: бубль, камера, карта, телефон.

Мария Павловна схватила карту и принялась оттирать липкий слой гречки. Лишь одно зёрнышко накрепко прикипело к бумаге.

«Точка! – закричала Мария Павловна. – Скажи, старик, это конечная точка маршрута?» В небе заклекотал ястреб. Марья Павловна вспомнила легенду о Горном Старце.

«Старец, охраняющий горы, существует в физическом теле. Нет вчера, нет завтра. Есть вечность, – крутилось в голове Марьи Павловны. – Старец может являться пастуху и охотнику, табунщику и спасателю».

Добежав до места на карте, она принялась крутить головой в поисках выживших, и молилась, чтобы в этот раз им был Захар. Взмыли вверх птицы, и Марья Павловна побежала к обрыву. На выступающем над водой камне сидел промокший Захар. Рядом с ним лежал потёртый гидрокостюм.

– Захар! – закричала она. – Ты жив.

– Он менял наши жизни. Бык сомкнул свои губы, – повторял он, трясась от холода. – Я нашёл папу, видишь, нашёл.

Пикнул радиотелефон, висящий на поясе. Появилась связь. Марья Павловна вызвала спасателей. Пока сотрудники МЧС паковали кости и опрашивали поникшего Захара, она сняла с шеи крестик и повесила на самую низкую ветку молодой сосенки. Это была конечная точка маршрута.

По возвращении провели экспертизу. Кости действительно принадлежали Никите.

После официальных похорон Марья Павловна больше не встречала Захара. Татьяна была довольна. Муж похоронен, и сын успокоился.

Несколько раз Марья Павловна ездила на Аргут, но Горный Старец больше не появился. Сосна подросла, подняла к небу блестящий на солнце крестик, рассказывая всем о конечной точке чужого маршрута.